

A romantic couple embracing at night. The man, with dark hair and a beard, wears a black suit and a watch. The woman, with blonde hair, wears a sparkling, backless dress. They are in front of a modern building with a city skyline in the background under a sunset sky.

СШИТЫЕ

Судьбою

АВТОР

МУНИРА ВАГИНА

Мунира Вагина

Сшитые судьбою

<https://litres.ru/74427129>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анфиса устраивается модисткой в московский Дом моды «Элизиум» и сразу оказывается в центре чужой жизни. Красавица-модель Марина встречает её с настороженностью, архитектор Антон неожиданно влюбляется, а харизматичный Эдвард, давно ухаживающий за Мариной, позволяет себе опасный интерес к новой девушке. Всё меняется, когда старые фотографии, серебряная булавка и странные воспоминания, возникающие от прикосновения к вещам, начинают связывать Анфису с семьёй Волковых.

То, что казалось любовным треугольником, превращается в тайну длиной в двадцать четыре года. Пожар, исчезнувшая мать, скрытый ребёнок, наследство «Элизиума» и память, оставленная в тканях и украшениях, ведут героев к правде, способной разрушить привычную жизнь – или наконец собрать её заново. «Сшитые судьбою» – роман о любви, ревности и выборе, о семье, которую можно потерять ещё до того, как успеешь её запомнить, и о нитях, которые однажды всё равно приводят домой.

Содержание

Глава 1. Девушка с серебряной иглой	4
Глава 2. Слишком похожие	21
Г	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сшитые судьбою

Глава 1. Девушка с серебряной иглой

В Москве шёл дождь. Не тот торжественный осенний дождь, под который хорошо смотреть из окна дорогого ресторана, а мелкий, настырный, почти невидимый. Он портил укладки, пачкал светлые туфли и превращал утренние пробки в медленно движущееся наказание. Анфиса Орлова опаздывала на собеседование на семь минут. Для любого другого места она бы решила, что это не катастрофа. Но Дом моды «Элизиум» не был любимым другим местом.

Его стеклянный фасад поднимался над улицей холодной серебристой стеной. На тёмных панелях почти незаметно проступали буквы ELYSIUM – настолько сдержанные, будто здание считало дурным тоном сообщать окружающим, сколько оно стоит. Анфиса остановилась под козырьком, посмотрела на отражение в стекле и выдохнула. Светлые волосы она собрала в низкий хвост. Чёрное платье было простым, почти строгим, зато сидело идеально. В руках – большая плоская папка с эскизами, на плече – сумка, из которой торчал сантиметр.

– Ты не опоздала, – сказала она собственному отражению.

– Ты дала им семь минут, чтобы подготовиться.

В таком варианте звучало лучше. Она толкнула тяжёлую дверь. Внутри пахло кофе, свежими цветами и чем-то ещё – тканью, духами, отпаривателями, дорогим деревом. Так пахнут места, где красота является не украшением жизни, а профессией. У стойки администратора сидела девушка с безупречной причёской. Она подняла взгляд.

– Вы к кому?

– На собеседование. Анфиса Орлова. Мастерская головных уборов и аксессуаров.

Девушка посмотрела на часы. Анфиса улыбнулась:

– Я тоже их вижу.

Администратор чуть приподняла бровь.

– Четвёртый этаж. Вас ждёт Тамара Сергеевна.

– Уже хороший знак.

– Что именно?

– Что ждёт.

На лице администратора впервые мелькнуло что-то похожее на улыбку. Анфиса направилась к лифту. Она старалась не смотреть по сторонам слишком жадно, но не получалось. На стенах висели фотографии старых коллекций. Высокие женщины в платьях, которые не выглядели одеждой – скорее обещанием другой жизни. Некоторые снимки были новыми, глянцевыми. Другие – старые, почти музейные.

Перед лифтом стоял стеклянный шкаф. Внутри лежали ножницы, катушки шёлковых нитей, вышитые воротники,

перчатки, старинная шляпная форма и несколько украшений. Анфиса задержалась. Среди них была длинная серебряная булавка. Совсем простая. Тонкий стержень, небольшая головка в форме переплетённых нитей.

У Анфисы внезапно защемило под рёбрами. Она уже встречала такие вещи. Не эту. Похожие. Иногда старый предмет словно тянулся к ней сам.

Она никогда никому об этом не рассказывала. В детстве однажды взяла в руки бабушкину шаль и увидела незнакомую комнату, которой не могла помнить. В шестнадцать лет нашла на блошином рынке брошь и услышала женский смех так отчётливо, будто женщина стояла рядом. Потом это почти прошло. И Анфиса научилась считать странные вспышки воображением. Мозг любит сочинять истории. Особенно если ему скучно.

Двери лифта открылись.

– Потом, – тихо сказала она булавке.

И поднялась на четвёртый этаж.

* * *

В мастерской был маленький конец света. По крайней мере именно так выглядели три женщины, стоявшие вокруг манекена.

– Всё, – сказала одна из них. – Его надо снимать.

– Через четыре часа прогон.

– Тем более.

– А второе платье?

- Не утверждено.
- Там линия бедра ужасная.
- Здесь сейчас вообще ужасно всё!

Анфиса остановилась у двери. На манекене висело платье цвета очень бледного золота. Воздушное, сложное, почти невесомое. От линии талии вниз шёл каскад мягкой ткани. И прямо по центру передней части зияла длинная неровная прорезь.

Женщина лет пятидесяти резко повернулась.

- Вы кто?
- Анфиса Орлова.
- Какая ещё Орлова?
- Та, которая на собеседование.
- Не сейчас.
- Я вижу.
- Подождите в коридоре.

Анфиса не двинулась. Она рассматривала платье.

- Чем порвали?
- Девушка, я сказала...
- Зацепили металлическим краем?

Женщина замолчала. Одна из мастериц ответила:

- Стойкой.

Анфиса подошла ближе.

- Можно?
- Нет.
- Тогда снимайте платье с показа.

Женщина посмотрела на неё долгим тяжёлым взглядом.

– Вы всегда так устраиваетесь на работу?

– Пока не знаю. Раньше меня брали быстрее.

Одна из мастериц тихо фыркнула. Старшая женщина посмотрела на часы.

– Пять минут.

– Десять.

– Семь.

– Договорились.

Анфиса положила папку на стол.

– Мне нужна тонкая золотая нить. Не блестящая. Чуть темнее ткани. И мелкие прозрачные бусины.

– Зачем?

– Сделаем вид, что так и было задумано.

Она провела пальцами над прорезью, не касаясь её.

– Зашить незаметно нельзя. Значит, надо сделать заметно красиво.

Старшая женщина скрестила руки.

– Продолжайте.

Анфиса быстро разложила ткань.

– Разрыв идёт вниз. Если просто свести края, ткань потянет. Через двадцать минут на модели всё поползёт снова. Поэтому здесь...

Она взяла портновский мел.

– ...мы не прячем линию. Мы её продолжаем.

Несколько штрихов. Одна из мастериц наклонилась.

– Ветка?

– Нет. Нить.

– Какая нить?

Анфиса улыбнулась.

– Та, за которую зритель захочет потянуть.

Через несколько минут она уже работала. Игла входила в ткань почти бесшумно. Золотая нить ложилась вокруг повреждения тонкой неправильной линией, будто трещина превратилась в рисунок. Анфиса не замечала времени. В такие минуты мир вокруг исчезал. Оставались ткань, пальцы, игла и ощущение, что вещь сама подсказывает, какой хочет стать.

– Семь минут, – сказала женщина.

– Знаю.

– Откуда?

– Вы тяжело дышите.

Одна из мастериц отвернулась, пряча улыбку. Анфиса сделала последний стежок. На месте разрыва теперь шла тонкая золотая линия, которая распадалась у бедра на несколько почти невидимых ответвлений с прозрачными бусинами. Порез не исчез. Он стал частью замысла.

Тамара Сергеевна – Анфиса уже догадалась, что именно так зовут старшую женщину, – приблизилась к манекену. Провела пальцами рядом со швом. Потом посмотрела на Анфису.

– Где вы учились?

Анфиса назвала колледж.

– Опыт?

– Ателье. Театр. Частные заказы. Один очень богатый кот. Женщина нахмурилась.

– Что?

– Хозяйка заказала ему цилиндр на день рождения.

В мастерской засмеялись. Даже Тамара Сергеевна не выдержала.

– И как?

– Кот был недоволен. Но ему шло.

Тамара Сергеевна снова посмотрела на платье.

– Когда можете приступить?

Анфиса моргнула.

– Это собеседование?

– Уже нет.

– Тогда сегодня.

– Сначала документы.

– Конечно.

Тамара Сергеевна протянула руку.

– Добро пожаловать в «Элизиум».

Анфиса пожала её.

– Спасибо.

И впервые за утро почувствовала, как сильно нервничала на самом деле.

* * *

Марина Волкова ненавидела примерки перед обедом.

Особенно если обед откладывался уже второй раз.

– Нет.

– Марина...

– Нет.

– Ты даже не посмотрела.

– Я посмотрела.

– Две секунды.

– Мне хватило.

Стилист Вера закатила глаза.

– Иногда я думаю, что тебе не платье надо показывать, а результаты голосования.

– Если большинство за платье, большинство ошибается.

Марина стояла перед огромным зеркалом в примерочной в чёрном белье и открытом шёлковом халате. Красота давно перестала казаться ей чем-то особенным. Её замечали всюду. В ресторанах. На улице. В аэропортах. На съёмках. Она знала, какой ракурс любит камера, как поставить плечо, куда перенести вес, когда улыбнуться и когда не улыбаться совсем.

Иногда внимание мужчин раздражало. Иногда нравилось. А иногда она просто переставала его замечать, как шум кондиционера.

– Следующее, – сказала Марина.

Вера вышла. Марина подняла волосы и посмотрела на себя. Серо-зелёные глаза. Высокие скулы. Тонкая линия носа. Мать когда-то говорила, что она похожа на отца. Мари-

на почти не помнила её голоса. Слишком маленькая была. Память сохранила не лицо, а отдельные детали: запах пудры, холодную металлическую застёжку на сумке, пальцы, заправляющие ей волосы за ухо. Странно, какие вещи остаются после человека.

Дверь приоткрылась.

– Марина, стой спокойно.

– Я стою.

– Ты уже надела халат неправильно.

– Не знала, что его можно надеть неправильно.

Вера вошла с платьем. За ней появилась незнакомая девушка. Светловолосая. Тонкая. С булавками между пальцами.

– Это Анфиса, новая модистка, – сказала Вера. – Тамара Сергеевна прислала помочь.

Марина посмотрела на неё через зеркало. Анфиса тоже посмотрела. На мгновение обе замолчали. Не было ничего необычного. Обычная незнакомка. Красивое лицо. Светлые волосы. Слишком внимательный взгляд.

Но у Марины внутри вдруг что-то дрогнуло. Словно она открыла дверь в комнату, где уже когда-то была. Анфиса нахмурилась. Совсем чуть-чуть. Потом подняла руку и поправила волосы у виска.

Марина медленно опустила свою. Она только что сделала то же самое.

– Мы знакомы? – спросила Марина.

– Думаю, нет.

– Ты так на меня смотришь.

– Вы первая начали.

– На «ты».

– Тогда ты первая начала.

Вера закрыла глаза.

– Господи. Вас нельзя было знакомить.

Марина чуть улыбнулась.

– Почему?

– Потому что теперь вас две.

Анфиса подошла с платьем.

– Руку.

Марина протянула. Анфиса помогла ей надеть вещь, поправила плечо, затем присела у подола.

– Здесь длину надо убрать.

– Мне сказали оставить.

– Зачем?

– Так придумал дизайнер.

Анфиса посмотрела снизу вверх.

– А ходить тоже дизайнер будет?

Марина неожиданно рассмеялась.

– Уже нравишься.

– Я ещё ничего не сделала.

– Вот поэтому.

Анфиса заколола ткань. Потом встала и быстро провела пальцами по линии талии, собирая лишний объём. Марина

снова поймала её взгляд в зеркале. Странное ощущение не уходило.

– Ты давно в Москве?

– Давно.

– А раньше здесь работала?

– Нет.

– На показах?

– Иногда.

– Фотографии?

Анфиса повернула голову.

– Ты пытаешься выяснить, где меня видела?

– Да.

– И?

– Не получается.

Анфиса пожала плечами.

– Может, у меня лицо распространённое.

Марина посмотрела на её отражение.

– Нет.

Сказала слишком быстро. И сама не поняла почему. В этот момент в примерочную заглянула Вера.

– Марина, у тебя через двадцать минут встреча с Эдвардом.

Марина сразу изменилась. Совсем немного, но Анфиса заметила.

– Он приехал?

– Едет.

– Цветы уже прислал?

– Конечно.

– Какие?

– Пионы.

– Опять?

– Богатые мужчины тоже способны на постоянство.

Марина улыбнулась.

– Передай, чтобы поставили в переговорной.

Анфиса продолжила закалывать платье.

– Поклонник?

Марина посмотрела на неё.

– Очень любопытная?

– Нет. Просто он присылает пионы в сентябре. Значит, либо очень влюблён, либо очень богат.

– Второе точно.

– А первое?

Марина чуть задумалась.

– Посмотрим.

Анфиса ничего не ответила. Но почему-то эта короткая пауза Марине не понравилась.

* * *

Через час Анфиса заблудилась. «Элизиум» оказался устроен так, будто архитектор одновременно хотел впечатлить гостей и наказать сотрудников. Коридоры переходили один в другой, лестницы неожиданно заканчивались закрытыми дверями, а один и тот же лифт Анфиса умудрилась

встретить трижды.

– Прекрасно, – сказала она. – Первый день, а я уже живу здесь.

Она свернула за угол. Тупик. Справа стоял ещё один стеклянный шкаф с архивными вещами. Анфиса подошла. И замерла.

Серебряная булавка. Та самая. Странно. Она была уверена, что утром видела её на первом этаже. Наверное, перепутала.

За стеклом рядом лежала маленькая карточка: Серебряная булавка. 1998 год. Архив Е. В. Е. В.

Анфиса сама не понимала, почему эти две буквы её зацепили. Она посмотрела по сторонам. Никого. Стекло дверца была приоткрыта.

– Не трогать, – прочитала она маленькую надпись. Помолчала.

– Вот теперь обязательно.

Анфиса осторожно открыла дверцу. Взяла булавку. Металл оказался неожиданно тёплым. А потом исчез коридор. Не постепенно.

Сразу. Женский крик. Яркий свет. Комната. Нет – не комната.

Чужая память. Женщина стояла у большого окна. Молодая. Тёмные волосы рассыпаны по плечам. Она плакала.

Перед ней на ковре сидели трое детей. Мальчик. Девочка. И совсем маленький ребёнок, завернутый в светлое одеяло.

– Антон, возьми Марину за руку.

Голос женщины дрожал. Мальчик что-то сказал. Анфиса не разобрала.

– Мамочка...

Девочка плакала. Женщина резко обернулась. Где-то хлопнула дверь.

– Быстро.

Она опустилась перед детьми. Поцеловала мальчика. Потом девочку. И прижала к себе младенца. На её запястье блеснул серебряный браслет.

Анфиса перестала дышать. Она знала этот браслет. У неё дома лежал такой же. Единственная вещь, оставшаяся от женщины, которую приёмная мать всегда называла просто: «твоя мама». Изображение дёрнулось.

Женщина подняла голову. И на мгновение посмотрела прямо на Анфису. Как будто увидела её.

– Я найду вас.

Булавка выпала из рук. Анфиса вскрикнула. Коридор вернулся. Она стояла у стеклянного шкафа, прижав ладонь к груди. На полу лежала серебряная булавка.

– Что вы делаете?

Анфиса резко обернулась. В конце коридора стоял охранник.

– Ничего.

Он посмотрел на открытую витрину. Потом на булавку.

– Архивные вещи запрещено трогать.

– Я уже поняла.

– Вы сотрудник?

– С сегодняшнего дня.

Он подошёл.

– Удачно начали.

Анфиса присела и подняла булавку двумя пальцами. Теперь металл был холодным. Обычным. Совершенно обычным. Она положила вещь обратно.

– Простите.

Охранник закрыл витрину.

– В следующий раз зовите сотрудника архива.

– Обязательно.

Он ушёл. Анфиса осталась одна. Её руки дрожали. «Показалось». Она повторила это мысленно.

Показалось. Нервное напряжение. Первый рабочий день. Незнакомое место. Старые воспоминания.

Мозг способен на странные вещи. Но оставалась одна проблема. Анфиса никогда прежде не слышала имён этих детей. Антон. Марина.

Она медленно подняла голову. Марина Волкова. Та самая девушка из примерочной. У Анфисы пересохло во рту.

– Нет.

Она почти рассмеялась. Глупость. Марина – распространённое имя. Антон тоже. А человеческий мозг умеет подставлять знакомые слова в бессмысленные картины.

Анфиса закрыла глаза. И снова увидела тёмноволосую

женщину. Серебряный браслет. Трёх детей. «Я найду вас».

Она достала телефон. Нашла фотографию, которую делала несколько месяцев назад. На ладони лежал её браслет. Серебряный. С тем же узором переплетённых нитей.

Анфиса приблизила снимок. Потом посмотрела на булавку за стеклом. Рисунок был одинаковым. Совершенно одинаковым. В конце коридора раздались женские голоса.

Анфиса быстро убрала телефон. Мимо прошли две сотрудницы. Одна сказала другой:

- Марина сегодня опять с Ланским обедает?
- Да. Говорят, он уже совсем потерял голову.
- За Волковой неудивительно.

Голоса стихли. Анфиса осталась у витрины. Впервые за много лет ей захотелось позвонить женщине, которая вырастила её. Спросить. Потребовать ответов. Услышать привычное: «Не выдумывай, Анфиска».

Но позвонить было некому. Приёмную мать похоронили четыре месяца назад. И вместе с ней исчезла единственная возможность спросить, откуда на самом деле взялся серебряный браслет. Анфиса посмотрела в сторону примерочных. Где-то там сейчас была Марина Волкова.

Незнакомая женщина, увидев которую Анфиса тоже почему-то почувствовала странную близость. Она покачала головой.

– Первый день, Орлова, – прошептала Анфиса. – Просто прекрасный первый день.

Но, уходя, она ещё раз оглянулась на витрину. На маленькой карточке под булавкой значилось: Архив Е. В. А ниже, почти стёртыми буквами, была приписана фамилия, которую утром Анфиса не заметила. Волкова.

Глава 2. Слишком похожие

На второй день Анфиса пришла в «Элизиум» на двадцать минут раньше. Не потому, что испугалась Тамары Сергеевны. По крайней мере, именно так она объясняла себе собственную пунктуальность, пока стояла у служебного входа с бумажным стаканчиком кофе и смотрела на стеклянный фасад Дома моды, в котором вчера успела получить работу, заблудиться, нарушить правило архива и увидеть то, чего видеть не могла.

За ночь воспоминание не потускнело. Напротив. Стоило Анфисе закрыть глаза, и перед ней возникала женщина у окна. Тёмные волосы, побелевшие от страха губы, трое детей на ковре, серебряный браслет на запястье. Антон. Марина. Анфиса.

Она повторяла эти имена в голове столько раз, что к утру они стали почти бессмысленными. Анфиса не верила в мистику. Вернее, очень старалась не верить. Существование чужих воспоминаний в старых вещах плохо сочеталось с квартплатой, кофе навынос, маршрутами метро и необходимостью вовремя сдавать работу. Мир был удобнее, когда в нём всё можно было объяснить.

Но серебряный браслет объясняться не хотел. Ночью Анфиса достала его из маленькой деревянной шкатулки, в которой хранила несколько вещей приёмной матери. Браслет

лежал там много лет: тонкий, прохладный, с узором из переплетённых нитей. Она знала его с детства и никогда не придавала ему особого значения. Теперь рисунок казался почти вызывающим.

Точно такой же узор был на архивной булавке «Элизима». Анфиса даже сфотографировала браслет с нескольких ракурсов, увеличила изображение, сравнила по памяти с тем, что видела в витрине. Совпадение было слишком точным. И всё же утром она решила начать с простого. С работы.

Иногда лучший способ не сойти с ума – заняться чужими шляпами.

– Вы сегодня подозрительно вовремя, – заметила администратор, увидев её.

– Я решила дать вам шанс соскучиться.

– За один вечер?

– У людей бывают разные способности.

Девушка улыбнулась.

– Четвёртый этаж. Тамара Сергеевна уже здесь.

– Она вообще уходит домой?

– Никто не проверял.

Анфиса направилась к лифту. У витрины с серебряной булавкой она не остановилась. Почти. Только чуть замедлила шаг. Но смотреть не стала.

* * *

Утро началось с коробки пуговиц. Тамара Сергеевна по-

ставила её перед Анфисой так торжественно, будто передавала государственную тайну.

– Перебрать.

Анфиса посмотрела внутрь.

– Все?

– Все.

– Здесь их тысячи три.

– Две тысячи восемьсот сорок семь.

Анфиса подняла глаза.

– Вы считали?

– Нет. Но теперь мне будет приятно, если вы проверите.

Анфиса вздохнула. Вчера она спасла платье для показа. Сегодня сортировала пуговицы. Карьерный рост оказался стремительным, но странным.

– По размеру, цвету и материалу, – продолжила Тамара Сергеевна. – Перламутр отдельно. Винтаж отдельно. Металл отдельно. Эти не выбрасывать, даже если выглядят бесполезными.

– А если они действительно бесполезные?

– В моде это не аргумент.

Анфиса кивнула.

– Уже начинаю понимать философию дома.

Тамара Сергеевна отошла к другому столу. Через полчаса Анфиса обнаружила, что сортировка пуговиц действует почти успокаивающе. Вещи не задавали вопросов. Маленькие, гладкие, холодные, каждая занимала своё место. Она пере-

бирала их одну за другой и старалась не думать о фамилии Волкова.

Получалось плохо.

– Ты всегда так морщишь нос?

Анфиса подняла голову. Марина стояла у её стола в белой рубашке и узких чёрных брюках, без сценического макияжа и без той отстранённой неприступности, которая появлялась у неё на примерке.

– Как?

– Вот так.

Марина чуть сморщила нос. Анфиса невольно повторила движение. Обе замерли.

– Нет, – сказала Анфиса.

– Что «нет»?

– Я так не делаю.

Марина скрестила руки.

– Только что сделала.

– Это было случайно.

– Вчера волосы. Сегодня нос.

– Завтра выяснится, что мы обе умеем моргать.

Марина улыбнулась, но смотрела внимательно.

– Тебе не кажется это странным?

– Мне много чего кажется странным.

– Например?

Анфиса почти ответила: «Например, то, что я видела тебя ребёнком в чужом воспоминании». Но вместо этого взяла

следующую пуговицу.

– Например, то, что известная модель стоит рядом со мной и следит, как я морщу нос.

– Не лъсти себе. Я пришла за воротником.

– Он справа.

Марина взяла со стула упакованный воротник, но не ушла. Анфиса почувствовала её взгляд.

– Что ещё?

– Ты вчера сказала, что у тебя лицо распространённое.

– Допустим.

– Я подумала.

– Опасное занятие.

– Очень смешно. Я решила, что ты была права.

Анфиса подняла бровь.

– Правда?

– Нет. Я всё равно не понимаю, где тебя видела.

– Может, нигде.

– Может.

Марина помолчала, потом спросила:

– У тебя есть брат?

Пуговица выпала из пальцев Анфисы. Совсем маленькая, чёрная, она ударилась о стол и покатилась на пол. Анфиса наклонилась за ней слишком быстро.

– Нет.

– Сестра?

– Тоже нет.

– Родители?

На этот раз Анфиса подняла взгляд. Марина сразу поняла, что зашла дальше, чем следовало.

– Извини.

– Всё нормально. Приёмная мама умерла четыре месяца назад.

– А родные?

– Не знаю.

Марина опустила глаза.

– Совсем?

– Совсем.

Несколько секунд они молчали. В мастерской стучала машинка, шелестела ткань, кто-то спорил о длине рукава. Марина тихо сказала:

– У меня мама тоже умерла. Давно.

Анфиса почувствовала, как внутри всё сжалось.

– Давно – это когда?

– Я была маленькой.

– А брат?

– Есть. Старше меня на три года.

Анфиса смотрела на неё слишком внимательно. Марина заметила.

– Что?

– Ничего.

– Ты опять так делаешь.

– Как?

– Будто слышишь не то, что я говорю, а что-то ещё.

Анфиса отвернулась к коробке.

– Профессиональная деформация.

– У модисток?

– У любопытных женщин.

Марина фыркнула.

– Всё-таки ты меня раздражаешь.

– Это уже было вчера.

– Значит, стабильно.

Марина взяла воротник и направилась к двери. У самого выхода остановилась.

– Кстати, я Марина.

Анфиса усмехнулась.

– Я догадалась.

– А я Анфиса, – сказала Марина нарочито серьёзно.

Анфиса рассмеялась. Марина вышла. И только после этого Анфиса заметила, что держит в пальцах старую перламутровую пуговицу так крепко, что на коже остался круглый след.

* * *

Антон Волков не любил Дом моды. Не потому, что считал его поверхностным или бесполезным. Напротив, он прекрасно понимал, сколько труда скрывается за десятью минутами показа. Его раздражала сама атмосфера «Элизиума» – слишком много людей, которые спешили так, будто от правильного расположения софитов зависела судьба страны. Но

именно поэтому он здесь работал.

Архитектор по профессии, Антон несколько лет занимался выставочными пространствами, оформлением шоурумов и временных павильонов. Для «Элизиума» он проектировал новую сцену к сезонному показу. Работа была интересной. Люди – не всегда. Он вошёл через служебный коридор с рулоном чертежей под мышкой, телефон зажал между плечом и ухом.

– Нет, – сказал он. – Подиум нельзя расширить на метр.
Пауза.

– Потому что тогда модели будут выходить прямо в колонну.

Ещё пауза.

– Да, колонну можно убрать. Вместе с половиной здания. Он отключился и толкнул дверь мастерской.

– Марина здесь?

– В примерочной, – ответила одна из сотрудниц.

Антон кивнул.

– Спасибо.

В этот момент что-то ударилось ему в ногу. Он посмотрел вниз. Пуговица. Потом ещё одна. И ещё.

Через секунду из-за стола вылетела целая коробка. Сотни пуговиц рассыпались по полу.

– Нет!

Анфиса замерла посреди мастерской. На её лице было такое отчаяние, будто она только что разрушила карьеру, го-

сударственную границу и чей-то брак одновременно. Антон посмотрел на пол.

– Серьёзно?

– Даже не говорите.

– Я ещё ничего не сказал.

– Но подумали.

– Это преступление?

– Пока нет.

Анфиса опустилаcь на колени и начала собирать пуговицы. Антон постоял секунду. Потом положил чертежи на ближайший стол и присел рядом.

– Какие куда?

Она посмотрела на него. Высокий, тёмноволосый, в сером пиджаке без галстука. Спокойное лицо, внимательный взгляд. Не красавец в привычном рекламном смысле, но из тех мужчин, на которых начинаешь смотреть дольше, чем собиралась.

– Вы не обязаны.

– Я уже сел.

– Это не аргумент.

– Для коленей – вполне.

Анфиса чуть улыбнулась.

– Светлые в эту коробку. Тёмные сюда. Металл отдельно.

– А эти?

Он поднял большую зелёную пуговицу.

– Винтаж.

- Откуда вы знаете, что она винтажная?
- Она выглядит так, будто помнит Брежнева.

Анфиса рассмеялась.

- Хороший критерий.

Они продолжили собирать. Несколько раз их руки почти сталкивались. Ничего особенного. Но Анфиса неожиданно заметила его пальцы – длинные, сильные, с маленькой царапиной у большого пальца. Он поднял ещё одну пуговицу и протянул ей.

- Перламутр?

– Да.

- Учусь.

- Ещё час – и сможете менять профессию.

– Спасибо. Я только что впервые почувствовал перспективу.

Анфиса посмотрела на него.

- Вы здесь работаете?

- Иногда.

- Очень конкретно.

- Я архитектор. Делаю сцену для показа.

- Значит, это вы придумали коридоры?

- Нет.

- Хорошо. Иначе я бы отказалась с вами разговаривать.

Он улыбнулся.

- Уже успели заблудиться?

- Три раза.

– Нормально. Марина здесь пять лет и всё равно путает две лестницы.

Анфиса замерла.

– Марина?

– Волкова.

– Вы её знаете?

Антон поднял голову.

– Вообще-то да.

В его голосе прозвучало что-то такое, что Анфиса не успела расшифровать. В этот момент дверь мастерской открылась. Марина вошла и сразу остановилась. На полу сидели Антон и Анфиса. Между ними лежали россыпи пуговиц.

– Прекрасно, – сказала Марина. – Я отсутствовала десять минут.

Антон поднялся.

– Привет.

– Что ты делаешь на полу?

– Строю карьеру в швейной промышленности.

Марина перевела взгляд на Анфису. Та всё ещё сидела на корточках.

– Вы знакомы?

– Минут пять, – ответил Антон.

– Уже подозрительно.

Анфиса поднялась.

– Он помогает мне собирать последствия моего профессионализма.

– Антон всегда помогает женщинам, которые роняют что-нибудь рядом с ним.

– Не слушай её, – сказал он.

Марина подошла и обняла брата за плечи.

– Это Антон. Мой брат.

Анфиса перестала улыбаться. На долю секунды. Но Антон заметил.

– Всё нормально?

– Да.

Она быстро наклонилась за последней пуговицей. Антон. Имя из воспоминания. Брат Марины. Тридцать лет.

На вид примерно так. Анфиса выпрямилась, стараясь дышать ровно. Марина смотрела на неё.

– Ты опять странная.

– Это мой базовый режим.

Антон усмехнулся.

– Уже нравится.

Марина повернулась к брату.

– Что?

– Манера отвечать.

– Даже не начинай.

– Что именно?

– Ничего.

Анфиса заметила, как Марина поправила волосы за ухом. И почти одновременно сама сделала то же самое. Антон посмотрел сначала на одну, потом на другую.

– Подождите.

Обе женщины замерли.

– Что?

– Вы только что сделали одинаково.

Марина медленно опустила руку. Анфиса тоже.

– Видишь? – сказала Марина. – Я не сумасшедшая.

– Я этого не говорил.

– Но думал.

Антон снова посмотрел на Анфису. Теперь внимательнее.

– Вы родственницы?

Вопрос прозвучал легко. Случайно. Но Анфису словно обдало холодом.

– Нет, – ответила она слишком быстро.

Марина нахмурилась.

– Точно?

– Мне об этом ничего не известно.

Тамара Сергеевна из дальнего конца мастерской повысила голос:

– Анфиса! Если пуговицы уже обрели личную жизнь, может быть, вы всё-таки вернётесь к работе?

– Иду!

Анфиса схватила коробку. Антон помог поставить её на стол.

– Спасибо.

– За пуговицы?

– За то, что не наступили.

– Я архитектор. Мы обычно стараемся не разрушать конструкцию.

– Хорошее качество.

Их взгляды встретились. На этот раз никто не отвёл глаза сразу. Анфиса почувствовала странное спокойствие. Не волнение. Именно спокойствие.

Такое, будто рядом с этим человеком ничего плохого произойти не может. Это было неожиданно. И почему-то опаснее обычного флирта. Антон первым отступил.

– Марин, у тебя есть пять минут?

– У меня всегда есть пять минут, если ты пришёл пожаловаться на сцену.

– Я пришёл не жаловаться. Я пришёл объяснить, почему нельзя передвинуть стену.

– Значит, жаловаться красиво.

Они вышли из мастерской. Анфиса смотрела им вслед. Марина что-то говорила, Антон слушал, слегка наклонив голову. Брат и сестра. Настоящие.

Близкие. Те самые имена. Она заставила себя отвернуться. Совпадение. Просто совпадение.

* * *

В переговорной Марина разложила эскизы сцены и почти сразу перестала на них смотреть.

– Ну?

Антон поднял глаза.

– Что «ну»?

- Анфиса.
- Что Анфиса?
- Тебе понравилась.
- Я помог ей собрать пуговицы.
- Это у тебя теперь называется так?

Антон откинулся на спинку кресла.

- Марина.
- Антон.
- Тебе двадцать семь.
- Спасибо, что напомнил.
- Мне тридцать.
- Тоже помню.

– Значит, мы способны пережить ситуацию, в которой я поговорил с женщиной без твоего расследования.

Марина усмехнулась.

- Ты редко так смотришь.
- Как?
- Будто тебе интересно.

Антон задумался.

- Она смешная.
- Это всё?
- А должно быть больше?
- Не знаю.

Марина провела пальцем по краю стола.

- Она странная.
- Ты тоже.

– Нет. Я сложная.

– Конечно.

– И она на меня похожа.

Антон чуть улыбнулся.

– Не внешне.

– Я не провнешность.

Он вспомнил одинаковое движение рук.

– Есть что-то.

– Вот.

– Люди иногда похожи.

– Ты всегда всё объясняешь.

– Это полезная привычка.

Марина посмотрела на него.

– А если не объясняется?

– Тогда надо собрать больше фактов.

– Господи, как с тобой скучно.

– Зато надёжно.

Она улыбнулась. И вдруг спросила:

– Ты помнишь маму?

Антон перестал улыбаться. Вопрос был слишком неожиданным.

– Немного.

– Больше, чем я?

– Наверное.

– Она так делала?

– Как?

Марина поправила волосы у виска. Антон посмотрел на её руку.

– Не помню.

– А нос морщила?

Он рассмеялся.

– Марин, тебе чего хочется услышать?

– Не знаю.

Она отвела взгляд.

– Просто Анфиса меня раздражает. И при этом мне всё время кажется, будто она уже была где-то рядом.

Антон помолчал.

– Может, виделась на съёмках.

– Может.

– Или ты её просто придумала раньше, чем встретила.

– Это уже звучит как диагноз.

– У тебя богатое воображение.

Марина взяла карандаш.

– Ладно. Показывай свою стену.

Антон развернул чертёж. Но спустя несколько минут поймал себя на том, что думает не о стене. Светлые волосы. Зелёная пуговица. Смешинка в глазах.

«Он помогает мне собирать последствия моего профессионализма». Он усмехнулся. Марина сразу заметила.

– Вот.

– Что?

– Опять.

– Работай.

* * *

К обеду Анфиса всё-таки закончила пуговицы. Она даже пересчитала две коробки, но остановилась, когда поняла, что Тамара Сергеевна вполне могла действительно знать точное число.

– Перерыв, – сказала одна из мастериц. – Пойдёшь?

– Через минуту.

Анфиса осталась одна. На столе лежал небольшой образец ткани из архивного платья, которое утром принесли для реставрации. Она старалась не смотреть на него. Вчерашнего опыта было достаточно. Но ткань будто притягивала внимание.

Тёмно-синяя, плотная, с почти стёртой вышивкой по краю. Анфиса протянула руку. Остановилась.

– Нет.

Отдёрнула пальцы. Через секунду снова посмотрела.

– Я сказала нет.

Разумеется, ткань не ответила. Анфиса засмеялась сама над собой. И тут в мастерскую заглянул Антон.

– Можно?

Она быстро убрала руку.

– Если зашли – уже можно.

– Марина убежала на примерку. Я хотел спросить...

Он остановился.

– Что?

– Кофе.

– Что кофе?

– Вы пьёте?

– Иногда даже добровольно.

– Тогда после работы?

Анфиса посмотрела на него. Предложение было простым. Спокойным. Без демонстративного мужского самодовольства, без уверенности, что она обязательно согласится. И именно поэтому ей захотелось согласиться.

– Сегодня?

– Если у вас нет планов.

– Есть.

Антон кивнул.

– Тогда в другой раз.

Он уже собирался уйти.

– Подождите.

Анфиса сама не поняла, зачем сказала это.

– Какие у меня планы?

– Вы мне не докладывали.

– Вот именно. Я тоже не знаю.

Антон улыбнулся.

– Значит?

Она посмотрела на часы.

– Я заканчиваю в семь.

– В семь десять у входа?

– Почему не в семь?

– Мне понадобится десять минут, чтобы найти выход из этого здания.

Анфиса рассмеялась.

– Справедливо.

– Договорились?

Она кивнула.

– Договорились.

Антон ушёл. Анфиса ещё несколько секунд смотрела на дверь. Потом медленно выдохнула.

– Очень разумно, Орлова.

Она вернулась к столу. Но работать не смогла сразу. В груди было тепло. Лёгкое, почти забытое ощущение ожидания. Не влюблённость.

Даже не сильная симпатия. Просто интерес. И что-то ещё, чему она пока не хотела давать имя.

* * *

Вечером Марина первой заметила, что брат не уехал. Она вышла из гримёрной в пальто и увидела Антона у входа. Он стоял рядом с колонной, смотрел в телефон и явно кого-то ждал.

– Ты ещё здесь?

Он поднял голову.

– Как видишь.

– Кого ждёшь?

– Такси.

Марина посмотрела через стекло. На парковке стоял его

автомобиль. Потом снова на брата.

– Какое интересное такси.

Антон вздохнул.

– Марина.

– Анфису?

Он ничего не ответил. Этого было достаточно. Марина чуть прищурилась.

– Быстро.

– Что быстро?

– Ты обычно месяц решаешь, стоит ли женщине написать.

– Я не приглашал её замуж.

– Пока.

– Иди домой.

– Ты нервничаешь.

– Нет.

– Значит, она тебе действительно понравилась.

Антон посмотрел на сестру.

– А тебе какое дело?

Марина сама удивилась, что не сразу нашла ответ. Какое? Никакого. Анфиса была просто новой сотрудницей. Слишком дерзкой.

Слишком любопытной. Слишком похожей на кого-то, кого Марина не могла вспомнить.

– Никакого, – сказала она.

Дверь лифта открылась. В холл вышла Анфиса. На ней было светлое пальто, волосы теперь свободно лежали на пле-

чах. Увидев Антона, она улыбнулась. И в эту секунду Марина почувствовала странный укол.

Не ревность. Совсем не ревность. Скорее ощущение, будто кто-то незнакомый слишком быстро вошёл в пространство, которое много лет принадлежало только ей и брату. Анфиса подошла.

– Я не опоздала?

– На две минуты, – сказал Антон.

– Значит, ты дал мне время подготовиться.

Он засмеялся. Марина узнала её вчерашнюю интонацию.

– Вы уже шутите одинаково? – спросила она.

Анфиса посмотрела на неё.

– Это заразно.

– Будь осторожнее. У него ещё есть привычка всех спасать.

– Я заметила.

Антон покачал головой.

– Вы обе можете перестать обсуждать меня при мне?

– Нет, – одновременно ответили Марина и Анфиса.

Тишина. Они посмотрели друг на друга. Антон рассмеялся первым. Марина тоже. Анфиса чуть позже.

Но её улыбка дрогнула. Слишком часто. Слишком похоже. Она вспомнила троих детей на ковре. «Антон, возьми Марину за руку».

Ей вдруг стало холодно.

– Всё хорошо? – спросил Антон.

– Да.

– Ты побледнела.

– Просто устала.

Марина продолжала смотреть на неё. Анфиса почувствовала это и поспешно застегнула пальто.

– Пойдём?

– Пойдём, – сказал Антон.

Они направились к выходу. Марина осталась в холле. Через стекло она увидела, как Антон что-то сказал Анфисе, та засмеялась, потом подняла воротник от ветра. Он придержал для неё дверь автомобиля. Марина неожиданно вспомнила детство.

Очень коротко. Комната. Чья-то рука. Светлые волосы ребёнка. Она замерла.

Образ исчез прежде, чем успел стать воспоминанием. Марина прикоснулась пальцами к виску.

– Глупости, – сказала она.

Но не ушла сразу.

* * *

Антон отвёз Анфису не в ресторан. Она этому обрадовалась. Они остановились у маленькой кофейни на тихой улице, где пахло корицей и свежим хлебом. За окном шёл дождь, и от этого внутри было особенно уютно.

– Значит, архитектор, – сказала Анфиса, снимая пальто.

– Значит, модистка.

– Очень содержательный разговор.

– Мы только начали.

Они сели у окна. Антон заказал чёрный кофе. Анфиса – капучино.

– Сахар? – спросил он.

– Нет.

– Марина тоже пьёт без сахара.

Анфиса подняла глаза.

– Ты часто её вспоминаешь?

– Она моя сестра.

– Это не ответ.

Антон улыбнулся.

– Да. Часто.

– Вы близки?

– Очень.

Анфиса провела пальцем по краю чашки.

– Хорошо, наверное.

– Что?

– Иметь человека, который знает тебя всю жизнь.

Антон посмотрел внимательнее.

– У тебя совсем никого?

– Есть друзья.

– Я про семью.

– Нет.

Она сказала это спокойно, но он почувствовал, что за спокойствием что-то есть.

– Извини.

– Не надо. Ты не виноват, что спросил.

– Приёмная мать?

Она коротко кивнула.

– Она была хорошей?

Анфиса долго не отвечала.

– Да. Очень.

– Но?

Она усмехнулась.

– Почему обязательно «но»?

– Потому что ты сказала «очень» так, будто за ним ещё десять предложений.

Анфиса посмотрела на него. Ей понравилось, что он слышит оттенки.

– Она любила меня. Но кое о чём никогда не говорила.

– О родителях?

– Например.

– Ты пыталась искать?

– Когда была младше. Потом перестала.

– Почему?

Анфиса посмотрела в окно.

– Потому что иногда проще считать, что тебя оставили случайно, чем узнать, что намеренно.

Антон молчал. Не сказал привычного «всё могло быть не так». Не начал утешать. Просто остался рядом. И это снова вызвало в Анфисе то странное спокойствие.

– А ты? – спросила она. – Помнишь родителей?

– Отца хорошо. Маму хуже.

– Марина сказала, что она умерла, когда вы были маленькими.

– Да.

– Сколько тебе было?

Антон нахмурился, вспоминая.

– Около шести.

Анфиса почувствовала, как сердце ударило сильнее. Даты. Возраст. Всё совпадало слишком легко.

– А Марине было около трёх?

– Примерно.

– Почему «примерно»?

Антон улыбнулся.

– Потому что я не веду семейную бухгалтерию.

Анфиса тоже улыбнулась, но пальцы под столом сжались.

– А младших детей не было?

Вопрос прозвучал слишком прямо. Антон посмотрел на неё.

– Нет.

– Совсем?

– Нас двое.

Анфиса ответила кивком.

– Понятно.

– Почему спрашиваешь?

Она пожала плечами.

– Просто разговор.

Антон не стал настаивать. За окном дождь стал сильнее. Они говорили почти два часа. О работе. О Москве.

О людях, которые делают вид, что разбираются в искусстве. О кошке в цилиндре. Антон рассказал, как однажды проектировал выставку, где заказчик потребовал «больше воздуха», но отказался убрать хотя бы одну стену. Анфиса смеялась так, что у неё выступили слёзы. Когда вышли из кофейни, дождь уже почти прекратился.

У машины она задержалась.

– Спасибо.

– За кофе?

– За то, что не задавал лишних вопросов.

– Я задавал.

– Но вовремя останавливался.

Антон открыл ей дверь.

– Увидимся завтра?

– Если Тамара Сергеевна не убьёт меня пуговицами.

– Я поговорю.

– Не смей.

– Почему?

Анфиса посмотрела на него.

– Потому что я не хочу, чтобы меня спасали.

Антон чуть улыбнулся.

– Хорошо.

– Правда?

– Правда.

– И даже спорить не будешь?

– Нет.

Она села в машину. Антон закрыл дверь. И впервые за долгое время поймал себя на том, что ему не хочется, чтобы вечер заканчивался.

* * *

Ночью Анфиса снова достала серебряный браслет. Положила его на ладонь. Вспомнила Антона. Его спокойный голос. Смех.

То, как легко рядом с ним было молчать. Потом – Марину. Одинаковые движения. Станный взгляд. Слова о матери.

Она на мгновение прикрыла глаза.

– Это ничего не значит.

Браслет лежал неподвижно. Холодный. Молчаливый. Она положила его обратно в шкатулку. Закрыла крышку.

И уже собиралась выключить свет, когда заметила на внутренней стороне крышки маленькую выцветшую полоску бумаги. Раньше она казалась частью подкладки. Анфиса подцепила её ногтем. Бумага отогнулась. Под ней была надпись.

Всего два слова. Написанные почти стёршимися чернилами: «Для Анфисы». Она застыла. А ниже – три инициала. А. М. А.

Анфиса перечитала. Раз. Второй. Третий. И впервые подумала не о совпадении.

А о том, что кто-то много лет назад оставил ей след.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.